

Силуэты Нового завета

Культура. — 1998. —
16-22 июля. — С. 10

Библейский цикл Мамия Малазония

Графический цикл грузинского художника Мамия Малазония "Житие Иисуса Христа", изданный в виде книги, вероятно, является одним из первых произведений, посвященных грядущему двухтысячелетию Рождества Христова.

Это образное осмысление художником Нового завета, но ни в коем случае не иллюстрации. В графических листах художник пытался отразить обаяние древних манускриптов с их пожелтевшими страницами и теплоту желто-коричневого фона икон. Этот тягучий цвет песка и обожженной глины главенствует, он-то и создает особую ауру работ.

Но "иконность" эта обманчива. Художник Малазония родом из театра. В нем навсегда остался жив дух игры и мистификаторства. Если свои сценографические сказки он стремился перевести в плоскость обобщенно-возвышенных притч, неких ритуальных сказаний, то сегодняшним графическим мистериам он сообщает игровое начало, ломая границы жанров. Поэтому в главах "Жития" можно уловить неожиданный привкус романтической иронии и вольный дух наивной первозданности.

Рукописные тексты в графике Малазония — не столько смысловый путеводитель, сколько эстетический принцип: "обыгрывание" рукописного эпизода, момент запечатления самого письма. Потому для художника чрезвычайно важно начертание слова: здесь тексты будто сами иллюстрируют себя. Грузинские буквы превращаются в замысловатые орнаменты, а слово становится необходимой частью композиции. Плывущие беглые строки, написанные разными цветами, кажутся спешно набросанными не по небрежности — просто записаны были апостолами в разное время, не по собственному их разумению, а как диктовалось свыше.

Графические листы разделен-

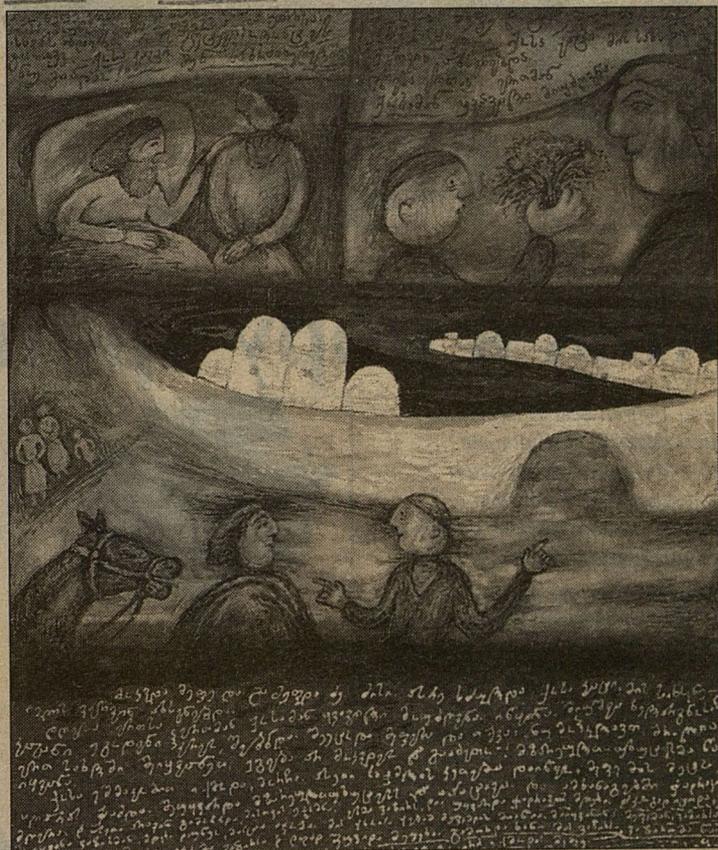
ные на несколько плоскостей, вбирают в себя не просто евангельские сюжеты и письмена. Здесь без труда читается время и пространство действия: своеобразие восточной архитектуры и особенности быта, безбрежность песка и зной пустыни, нестерпимая белизна надугого ветром паруса, редкие, но значительные детали. Все узнаваемо и одновременно эпически-отстранено. Как мираж в пустыне — предельно четкий, но иллюзорный, мифичный. В графической версии "Жития" на первом плане — суть явлений, очищенная от накипи мелочей и ненужных подробностей. Изображение людей анонимно. Их лица стерты, они не важны. Ибо творит деяния не лик, но дух. А суд — по деяниям.

Потому нет лиц в "Поцелуе Иуды", ощутим лишь ужас предательства. Неопознанными остаются и 13 силуэтов "Тайной вечери". В блеклой белизне скатерти, в сумеречной прохладе неба и его серозеленых тонах разлито лишь предощущение беды. Суть происходящего — наверху, в медальоне: на горячо-коричневом фоне выписаны две фигуры: Иуды и первосвященника. И явственно белеет металлический холод монеты в руке.

Распятие Христа в интерпретации художника так же неожиданно и абсолютно вне патетических всхлипов. В сизой мгле высятся на Святой горе три креста с поникшими фигурами распятых. А наверху в иной графической плоскости, нет, в ином духовном измерении крупно, объемом выписано главное — орудия казни: молоток, клещи, веревки, лестница и склоненные силуэты солдат, они ведь тоже орудия...

И уже не важно, кто на каком кресте, — распяты люди, в страданиях все равны.

Эта неузнанность, анонимность дает возможность глубже проник-

нуть в истинный смысл явлений, понять суть общечеловеческого. Работает принцип "все люди как один человек".

Графическое "Житие Иисуса Христа" — явление исключительное и по художественному уровню, и по уровню осмысления. Странный тройной виток угадывается за этим циклом: Новый завет в отличие от Ветхого завета переключает внимание от судеб целых народов к личности отдельно взятого человека, акцентируя внимание на жизни души. Но степенью обобщенности и отстраненности цикл

"Жития" как бы возвращает нам ветхозаветные постулаты, только на другом уровне — обогащенные Новым заветом.

Глядя на подлинники этого цикла или листая их репродукции в прекрасно изданной книге (печатались в Стамбуле), понимаешь, сколь исключительно по самобытности это явление. А если учесть, что книга существует всего в 500 экземплярах, то грешно не причислить ее к раритетам.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ